

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ
THE CENTER FOR CONTEMPORARY JAPANESE STUDIES

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН
INSTITUTE OF WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ЯПОНСКИЙ ФОНД
THE JAPAN FOUNDATION

ЯПОНИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО
на заре XXI в.

JAPAN:
ECONOMY, POLICY, SOCIETY
at the dawn of the 21 st Century

Москва
Moscow
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
2003

УДК 94(520)
ББК63.3(5Япо)
Я70

Памяти ЯЛ. Певзнера
In memory of J. A. Pevzner

Ответственный редактор
В. Рамзес
Ed. by V. Ramzes

Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. =
Я70 Japan: Economy, Policy, Society at the dawn of the 21st Cen-
tury/ Отв. ред. В. Рамзес = Ed. by V. Ramzes. — М. : Вост.
лит., 2003. — 318с. — ISBN 5-02-018391-1 (вобл.).

ББК63.3(5Япо)

Проект «Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в.» вы-
полнен в рамках деятельности Центра по изучению современной Япо-
нии, созданного на базе заключенного в 1991 г. Соглашения между
Академией наук СССР (ныне — Российской академией наук) и Япон-
ским фондом (Япония) о поддержке и развитии японоведческих ис-
следований в России.

The Project "Japan: Economy, Policy, Society at the dawn of the 21st
Century" was conceived and implemented by the Center for Contempo-
rary Japanese Studies in 2002 under the Agreement concluded between
the Academy of Sciences of the USSR (now, the Russian Academy of Sci-
ences) and the Japan Foundation in 1991 to promote these studies in
Russia with effective technical and financial support from the said Foun-
dation.

© Центр по изучению современной Японии, 2003
The Center for Contemporary Japanese Studies, 2003
© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2003

ISBN 5-02-018391-1

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ: ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН?

Введение

Полвека назад, подписав Сан-Францисский мирный договор, Япония восстановила свой национальный суверенитет, утраченный в результате капитуляции во Второй мировой войне. За прошедшие десятилетия некогда обескровленная и деморализованная страна добилась уникальных успехов едва ли не во всех своих начинаниях.

Почти с нуля построена вторая по совокупной мощи и качеству экономика мира, реально обеспечены основные демократические права и свободы, высок уровень жизни и социальной защищенности. Вместе с тем современная Япония практически не утратила своей самобытности, а японцы не потеряли себя как нация. Послевоенные поколения выросли трудолюбивыми, дисциплинированными, ответственными и подлинно патриотичными. Конечно, ксенофобский профессиональный «патриотизм», приведший к краху довоенную Японию и, к слову сказать, набирающий в последние годы силу в России, встречается и в Японии наших дней. Но сегодня он, похоже, окончательно стал уделом ультраправых маргиналов, в то время как подавляющему большинству японцев свойственна отнюдь не экзальтированная ненависть к другим странам, а всего лишь естественная любовь к своей.

Нельзя, впрочем, не отметить, что, сохранив лучшие черты национального характера, японцы не смогли избавиться от некоторых не самых лучших. В частности, от своеобразного «островного менталитета», сознательного, а еще больше подсознательного противопоставления себя остальному миру.

Мода на апологетику «японского чуда» давно прошла, а сама Япония переживает нелегкие, по привычным для нее меркам, времена. Парадокс, однако, заключается в том, что именно условия относительного неблагополучия позволяют увидеть, какой огромный запас прочности был заложен в здание современной Японии архитекторами ее послевоенного возрождения.

Другое дело, что при всей своей основательности само это здание уже изначально было не лишено серьезных недостатков, в том числе и являвшихся продолжением его достоинств. На первых порах эти недостатки воспринимались как второстепенные или даже не осознавались вовсе. Однако по мере изменения внешних и внутренних условий существования Японии

многие из них начинают постепенно выходить на первый план, превращаясь в проблемы, требующие нелегких решений. О некоторых из подобных проблем сегодня говорят и думают едва ли не постоянно, о других — от случая к случаю, без ясного понимания их содержания и без большого интереса.

Одной из таких недооцененных по степени важности проблем современной Японии является ее внешняя политика.

Казалось бы, совсем недавно многие американские специалисты обвиняли Японию в том, что она делает непозволительно мало в сфере внешней политики и безопасности¹. Советские специалисты, напротив, не уставали подозревать Японию в стремлении привести свое внешнеполитическое влияние в соответствие с экономической мощью, создать огромный военный потенциал и т.д.². Тем временем сама Япония шла раз и навсегда определенным внешнеполитическим курсом, считая его оптимальным.

Проблема, однако, в том, что оборотной стороной неизменности любой политики рано или поздно становятся ее косность, неспособность быстро адаптироваться к переменам, инстинктивная боязнь новых идей, безынициативность. Говоря объективно, все эти характеристики нередко оказываются предпосылками кризиса конкретной политики.

Сказанное выше — не более чем вводные рассуждения. Для того же, чтобы разобраться в трудностях, с которыми может в обозримом будущем столкнуться японская внешняя политика, рассказ о ней придется начать с самого начала.

Тора, Тора, Тора³

Внешняя политика как искусство отстаивать свои интересы, соизмеряя их с интересами других стран, и дипломатия как искусство договариваться с оппонентом не имеют в Японии глубоких традиций.

Два с лишним века самоизоляции, вынужденное открытие страны внешнему миру, т.е., в сущности, капитуляция перед превосходящей военной силой, решимость обрести такую же силу, чтобы точно так же навязывать свою волю слабым, первая «проба пера» в войне с Китаем, вынужденный отказ от территориальных приобретений на материке, т.е. опять-таки капитуляция перед превосходящей военной силой западных держав, война с Россией, участие в Первой мировой войне, короткий период безвременья, подготовка к войне за господство в Азии, война с Китаем и, наконец, с США, поражение и капитуляция, на этот раз полная и безоговорочная.

Без особой натяжки можно сказать, что с момента прекращения самоизоляции Японии и до 1945 г. история ее взаимоотношений с внешним миром была не более чем повторением одного и того же цикла «подготовка к очередной войне — война».

В таких жестких рамках внешней политике Японии доставались в основном вспомогательные тактические задачи: выиграть время, изложить ультиматум или демонстративно покинуть зал заседаний. Напротив, в единичных

случаях, когда внешней политике выпадали более сложные «игровые» задачи, справлялась она с ними весьма посредственно. Так, не принесли Японии ожидаемых результатов мирные переговоры в Портсмуте после выигранной войны с Россией, полным провалом и уходом Японии из Лиги Наций закончились ее попытки обеспечить дипломатическое прикрытие авантюры с созданием марионеточного государства Маньчжоу-Го.

Сильный диктует свою волю слабому, главным критерием силы является военная мощь, а главным инструментом внешней политики — война, для победы в которой неплохо иметь союзника, способного оказать помощь и почти ничего не требующего взамен. Вот, собственно, и все уроки, которые усвоила Япония к моменту капитуляции во Второй мировой войне.

Укэми⁴

Внешнюю политику предстояло создавать заново, фактически на пустом месте, без ресурсов, навыков и традиций. Казалось бы, вопреки логике, именно тогда, в первые послевоенные годы, действуя с позиций абсолютной слабости, японская внешняя политика одержала свою крупнейшую, а возможно, и вообще единственную победу: обеспечила сохранение ключевых институтов государства, его мифологии и политической элиты. Каким-то непостижимым образом последняя смогла избежать ответственности за развязывание агрессивной войны, насаждение милитаристской и расистской идеологии. На скамье подсудимых оказались лишь немногие наиболее одиозные военные и политические лидеры старой Японии. Их осудили за военные преступления, но в глазах японской элиты виновны они были главным образом в том, что не добились победы.

Избавившись от неудачников и еще теснее сплотившись вокруг императора, японская элита из виновницы военных преступлений превратилась в их жертву, гаранта неповторения, а затем в проводника реформ и опору оккупационной политики США.

Японии удался трюк, суть которого в том, что в обмен на покорность и сотрудничество с победителем побежденный получает от него прощение за прошлые прегрешения и возможность упрочить свои позиции. Трюк этот известен еще с древнейших времен. Достаточно вспомнить, как возвысились московские князья, пойдя на сотрудничество с Золотой Ордой и получив от нее ярлык на сбор дани. Ничего сложного в подобной линии поведения на первый взгляд нет. Однако успех она приносит далеко не каждому. Например, нацистской Германии, государственные институты которой были ликвидированы, идеология запрещена, а политическая элита подвергнута жесткой фильтрации, — не принесла. Япония же успеха добилась, причем не столько в силу простого стечения внешних обстоятельств, сколько благодаря их грамотному использованию. Высокая оценка проявленного Японией внешнеполитического расчета и дипломатического мастерства никак не умаляется тем, что цели, которые она преследовала, — сохранение институтов старого государства и его элиты — были, конечно, не вполне безупречны с точки зрения морали и нравственности.

Бесполезно задним числом гадать, как сложилась бы судьба послевоенной Японии, если бы ее старые государственные институты были полностью ликвидированы, а новые создавались с нуля, если бы к власти в стране пришли сторонники новых идей, а не мимикрировавшие носители старых. Говорить можно только о фактах. А их, по большому счету, два.

Первый состоит в том, что сохранившая ключевые институты старого государства, его мифологию и политическую элиту Япония легче, чем можно было ожидать, перенесла военное поражение и неизбежный хаос первых послевоенных лет, быстрее, чем та же Германия, восстановила душевное равновесие нации. В этом смысле сравнение с послевоенной Германией, конечно, оказывается в пользу Японии.

Второй факт, однако, со знаком минус. Поставив и выполнив цель сохранения максимально возможной преемственности со старым государством, Япония не решилась, точнее, не захотела ни до конца честно осмыслить, ни тем более осудить свое имперское прошлое. В отличие от Германии, в Японии так и не возникли условия, способные побудить послевоенные поколения ужаснуться содеянному их страной в годы войны, испытать искреннее, а не показное раскаяние за совершенные японцами и от имени японцев преступления.

В итоге Япония осталась чужой для подавляющего большинства стран Азии, которые и сегодня нередко подозревают ее в бесчестных намерениях, обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах. Речь в данном случае отнюдь не о том, насколько обоснованно такое восприятие Японии в Азии (хотя отчасти оно, конечно, не беспочвенно), а лишь о том, что сегодня именно оно ограничивает возможности японской внешней политики, лишая ее естественного поля для маневра, инициативы и, главное, своеобразной презумпции невиновности, вынуждая раз за разом обращаться к проблемам прошлого, вместо того чтобы сосредоточиться на настоящем и будущем. Нельзя при этом не заметить, что обращение к прошлому и особенно необходимость приносить за него извинения, подбирая политически корректные и одновременно уклончивые формулировки, очень тяготят Японию.

Собственно говоря, психологически угнетенное состояние, в котором уже давно находится Япония по причине неспособности честно осмыслить свое прошлое, очень напоминает порой то, в котором оказалась посткоммунистическая Россия сегодня.

На протяжении нескольких послевоенных десятилетий политическая и нравственная отчужденность от Азии не особенно беспокоила Японию. Были у Японии дела поважнее, а уникальная модель ее внешней политики, в сущности, и не требовала наведения политических мостов с соседями.

В основе этой модели лежали, во-первых, признание США в качестве единственного союзника и старшего партнера, во-вторых, строгое самоограничение, т.е. сознательный отказ от несанкционированной инициативы и каких-либо претензий на самостоятельную роль.

Возникнув как естественное следствие капитуляции, пройдя успешную апробацию в качестве тактического средства для максимально возможного сохранения старого государства, ориентация на США довольно быстро пре-

вратилась в целостную и по-своему логичную стратегию японской внешней политики.

Общеизвестно, что в условиях раскола мира на два соперничающих лагеря лишь очень немногие из союзников США изредка решались открыто не соглашаться с американской точкой зрения, не говоря уже о том, чтобы оспаривать американское лидерство.

Можно вспомнить Суэцкий кризис 1956 г., когда Великобритания и Франция попытались действовать наперекор рекомендациям США. Великобритания затем «исправилась» и подобных попыток больше не предпринимала. Франция, напротив, в дальнейшем сделала четко отмеренное дистанцирование от США одним из принципов своей внешней политики. Президент Ш. де Голль вывел Францию из военных структур НАТО, пытался наладить диалог с СССР независимо от США.

В конце 60-х — начале 70-х годов взяла старт «восточная политика» канцлера ФРГ В. Брандта. В рамках этой политики ФРГ нормализовала отношения с ГДР, активно налаживала связи с СССР. То обстоятельство, что США после некоторых колебаний сняли возражения против «восточной политики» ФРГ, лишь подчеркивает ее чисто немецкое происхождение.

В отличие от европейских союзников США, Япония никогда не позволяла себе подобных «вольностей», строго сверяя свою внешнюю политику с американской и повторяя повороты последней с некоторым опозданием, но никогда не предвосхищая их.

В 1956 г., например, Япония, учтя пожелания США, уклонилась от подписания мирного договора с СССР. В 1972 г. Япония нормализовала отношения с КНР, формально пойдя дальше США. Однако и в этом случае Япония начала действовать не раньше, чем узнала о намерении президента США Р. Никсона совершить исторический визит в Китай.

В целом можно утверждать, что после Второй мировой войны ни одно крупное внешнеполитическое решение не было принято Японией без согласования с США. Сказанное, разумеется, не означает, что японская внешняя политика вульгарно управлялась из Вашингтона вопреки воле самих японцев. На самом деле все и проще, и сложнее. Проще потому, что как примерный союзник Япония никогда не была объектом мелочного американского контроля. И потому, что одномерная и односторонняя ориентация на США уже давно стала для нее добровольным выбором. Сложнее же ввиду глубокой противоречивости как изначальной мотивации к такому выбору, так и механизма ее воспроизводства.

«Сони», «Сони», «Сони»,
или Экономика Uber Alios

Выше уже говорилось о том, что по ряду причин Японии не довелось честно осмыслить и осудить свое имперское прошлое. Японцев заставили поверить: их страна проиграла войну не потому, что стремилась к несправедливым бредовым целям под дикими расистскими лозунгами, а лишь потому,

что враги, и прежде всего США, оказались сильнее в научно-техническом и экономическом отношении. После войны научно-техническую и экономическую отсталость Японии предстояло ликвидировать, «приведя врага в изумление успехами реформ»⁵.

Во имя достижения этой главной цели было необходимо пойти на союз с врагом. Именно так вынужденный выбор Японии стал осознанным и добровольным. Дальше все пошло как по накатанной колее. Вступили в действие и общие для всех «присоединившихся» стран законы «холодной войны», и традиционные для японского политического и общественного сознания механизмы иерархического восприятия действительности в категориях «старший-младший»⁶. Обязанностью «старшего» (США) стала забота о «младшем» (Японии), а «младшего» — уважение к «старшему» и беспрекословное согласие с ним.

В 70-е годы японские политологи любили рассуждать о некоей модели «финляндизации», которую СССР якобы пытался навязать Японии. Конкретики в этих рассуждениях было гораздо меньше, чем общих разговоров. Например, о желании СССР оторвать Японию от США, превратить ее в нейтральное государство и т.д. Главная же идея состояла в неприемлемости для Японии модели «финляндизации» как формы принудительного ограничения национального суверенитета.

Спору нет, во второй половине 50-х годов советское руководство, похоже, тешило себя иллюзиями насчет возможности оторвать Японию от США. В более поздний период СССР вполне одобрительно относился к идее нейтралитета, которую отстаивали некоторые японские политические партии. И то и другое было совершенно естественным следствием глобального советско-американского противоборства. Но при чем здесь «финляндизация»?

Послевоенная история советско-финских отношений позволяет предположить наличие между странами некоего понимания относительно того, что Финляндия в своей внешней политике должна воздерживаться от действий, чреватых ущербом для интересов СССР. Изначально подобный выбор, скорее всего, был для Финляндии вынужденным. Со временем, однако, он стал для нее добровольным просто потому, что обеспечивал оптимальные условия для социально-экономического и политического развития.

Аналогия с изначально вынужденным, а затем добровольным выбором Японии в пользу ориентации на США выглядит почти полной. Единственное отличие состоит в том, что при проведении своей внешней политики Финляндия фактически руководствовалась принципом «не навредить СССР», в то время как Япония постоянно сталкивалась с американскими требованиями о прямой поддержке, равно как и с упреками в ее недостаточности. (Потребуй СССР от Финляндии того же, что требовали США от Японии, глядишь, уже финны заговорили бы о попытке «японизации» Финляндии.) В рамках своих особых отношений с СССР Финляндия пользовалась гораздо большей свободой, чем Япония — в отношениях с США. Хотя, с другой стороны, и получила Япония от США неизмеримо больше, чем Финляндия от СССР.

Вообще говоря, умение сосредоточиться на главном, пожертвовав при необходимости второстепенным, например былыми амбициями, есть пока-

затель зрелости любой политики, в том числе и внешней. Кому-то это удается лучше, кому-то хуже.

Во второй половине XIX в. Пруссия преуспела в объединении германских земель во многом благодаря сознательному отстранению от проблем европейской политики, не имевших прямого отношения к решению главной задачи. На исторически короткий период прочие внешнеполитические интересы и даже национальная гордость Пруссии были принесены в жертву политике объединения, что лишь придало ей дополнительную эффективность. Причина была сколь проста, столь и парадоксальна. Самоустранившись от европейской политики, Пруссия, конечно, лишилась возможности культивировать союзников, готовых помочь в объединении Германии. Но зато, и это было куда важнее, практически застраховала себя от появления среди европейских держав активных противников объединения. Еще одним дополнительным преимуществом, сполна использованным Пруссией, стало впечатление о ее слабости и нерешительности, распространившееся в Европе.

Напротив, по контрасту с Пруссией времен О. фон Бисмарка посткоммунистической России времен Б. Ельцина так и не удалось сосредоточиться в своей внешней политике на главном, пожертвовав второстепенным. В России В. Путина положение начало в этом смысле как будто меняться к лучшему. Но окончательные выводы делать рано.

Зато в отношении послевоенной Японии С. Ёсида выводы очевидны. Став «дальневосточной Финляндией», Япония сделала выбор, позволивший ей целиком сосредоточиться на целях экономического развития. В жертву темпам этого развития было принесено традиционное качество внешней политики.

Япония так и не вернула себе утраченный в 1945 г. статус великой политической державы. Вместо этого она стала великой экономической державой. Вопрос о том, что лучше для Японии, в сущности, не стоит. Политическое величие — дело хлопотное, рискованное, а главное высокзатратное. Экономическое преуспевание — много надежнее. Естественно, при том непременном условии, что безопасность страны обеспечена. В этой области Япония тоже нашла нестандартное решение, доверив свою безопасность союзнику и сохранив верность когда-то навязанной ей антивоенной Конституции.

Япония принадлежит к немногочисленной группе стран, которые трудно представить в качестве активного участника или тем более инициатора военного конфликта. Дело при этом далеко не только в Конституции, прямо запрещающей подобные действия. Неприятие силовых методов политики прочно укоренилось в общественном сознании страны. Роль же военных в определении внешней политики едва ли не нулевая.

В целом Япония оказалась гораздо более прагматичной и последовательной, чем, наверное, все остальные союзники США вместе взятые. Смирив гордыню, отказавшись от символов и атрибутов политического величия, научившись строго соотносить собственные интересы с интересами США, Япония действительно смогла поразить мир своими успехами.

И тем не менее все эти годы японские политологи и политики продолжают размышлять над сценариями, при которых союз с США может перестать априори отвечать интересам Японии⁷. Кто-то еще помнит, что успехами реформ изначально предполагалось привести в изумление все-таки врага. При таком подходе американские гарантии безопасности Японии, например, начинают выглядеть как инструмент контроля над ней⁸. Кто-то, наоборот, с прошлым знаком только по учебникам (причем не вполне объективным в оценках) и потому искренне тяготеет к подчиненным положением Японии.

Подобные размышления, положим, опираются в основном на эмоции. Гораздо более серьезно другое. Внешняя политика Японии была и остается слишком хорошо приспособленной к условиям «холодной войны» и в более широком плане — к двухполюсной структуре международных отношений, чтобы безболезненно перенести их исчезновение.

Вопрос о том, сможет ли Япония приспособиться к переменам в мире, формально остается пока открытым. Просто потому, что, несмотря на огромные изменения, происшедшие в мире за последние десять с лишним лет, переходный период в международных отношениях еще далеко не завершен. Для стран, активно стремящихся повлиять на формирование новой структуры этих отношений, переходный период — самое горячее время. Напротив, для тех, кто, подобно Японии, заботится лишь о том, чтобы приспособиться к переменам, переходный период — это время минимальной активности.

Новый мир

В самом общем виде внешняя политика государства есть результат взаимодействия четырех основных факторов: обстановки в мире, возможностей самого государства, доминирующего в обществе восприятия международных проблем и, наконец, существующего в государстве механизма принятия решений.

В условиях «холодной войны» и выросшей из нее двухполюсной структуры международных отношений «с их опорой на блоковую дисциплину как поведенческий компас и на ядерную мощь США как универсальное средство обеспечения безопасности» внешняя политика Японии сформировалась как политика простых, чаще всего рутинных решений и максимального выигрыша при минимуме риска и затрат, как финансовых, так и нервной энергии. Проще говоря, за комфортные условия развития экономики и свободу маневра в этой сфере Япония платила фактическим отказом от самостоятельности в сфере внешней политики и безопасности.

Ныне обстановка в мире принципиально иная. В отличие от СССР Россия не хочет быть стратегическим соперником США. Чем в итоге станет Россия, для которой 90-е годы были временем концептуальных метаний в поисках нового места в мире, пока не вполне ясно. Попытки воссоздать некое подобие двухполюсной структуры, где в качестве противовеса США и их союзни-

кам выступали бы Россия, Китай, Индия и все мыслимые страны-аутсайдеры, предпринимавшиеся в годы второй администрации Б. Ельцина под лозунгом «многополюсности», похоже, сошли на нет при его преемнике. И хотя рецидивы подобных попыток или их имитация не исключены, в прошлое Россия вернуться не сможет. Слишком многое уже связывает Россию с цивилизованным миром, слишком далеко ушла она от идеологии и практики советского режима. Да и сил на соперничество с США давно уже нет.

Ничуть не менее важно и то, что претендентов на глобальную роль, которую играл СССР, не видно. Хотя порой кажется, что в перспективе место СССР мог бы занять Китай. Дело, однако, в том, что, даже имея отдаленное, точнее, чисто формальное сходство с СССР, Китай совсем не стремится стать главным антагонистом США. Сосредоточившись на собственных проблемах, обеспечивая высокие темпы развития в основном за счет связей с внешним миром, Китай по своим интересам, менталитету и амбициям остается всего лишь очень большой региональной державой.

Одним словом, с двухполюсной структурой международных отношений покончено. Однако закономерность (а для кого-то, возможно, парадокс) состоит в том, что ей на смену идет не однополюсная структура, а подвижная и гибкая система отношений, в которой положение США, по-видимому, станет значительно менее исключительным, чем прежде.

Во-первых, исчезновение общего для всех демократических стран идеологического и стратегического вызова постепенно освободит их от дисциплины «холодной войны», позволив уделять больше внимания своим конкретным и не всегда совпадающим индивидуальным и групповым интересам. Этот процесс уже начался, но еще далеко не набрал силу.

Во-вторых, по той же логике существенно понизится в мировой политике роль стратегического ядерного оружия и в целом глобальной военной мощи. Между тем именно в этой сфере США далеко оторвались от своих союзников. Во всех остальных сферах жизнедеятельности позиции США и целого ряда развитых стран в принципе сопоставимы.

В-третьих, на этой основе приобретет гораздо большее, чем сейчас, политическое значение процесс европейской интеграции.

В-четвертых, продолжит нарастать тенденция к возникновению локальных конфликтов, разных по своей природе, интенсивности и, главное, по степени вовлеченности в них ведущих демократических стран.

Наконец, в-пятых, на первый план мировой политики выйдет противоречие между цивилизацией и варварством, между демократией, законностью и порядком, с одной стороны, и терроризмом и хаосом — с другой. Все остальные проблемы — разрыв между богатыми и бедными странами, распространение оружия массового уничтожения, локальные конфликты, культурная совместимость — будут решаться через призму этого главного противоречия мировой политики. Однако уже по самой своей природе новое мировое зло будет гораздо более аморфным и децентрализованным, чем его предшественник — мировой коммунизм.

В обозримом будущем объективное лидерство США сохранится, особенно при решении общих для всех экономических, цивилизационных и гу-

манитарных проблем. Но это лидерство не будет ни безоговорочным, ни априорным. В новых условиях членам сообщества демократических государств придется научиться разделять ответственность за судьбы мира, не перекидывая ее бездумно на плечи США. В цене будет и умение действовать инициативно, не обязательно повторяя, но также и дополняя усилия друг друга. И, конечно, умение рационально формулировать и отстаивать индивидуальные и групповые интересы.

Одним словом, новый век, видимо, предъявит гораздо более сложные, чем прежде, требования к внешней политике государств, сделавших свой цивилизационный выбор в пользу демократии. Легко не будет никому. Но труднее всех, наверное, придется Японии (о России, естественно, разговор отдельный).

Собрание контрастов

Пока Японии более или менее хватает резервов ее традиционной внешней политики (что лишний раз свидетельствует о том, что некогда она была выбрана исключительно удачно). Нельзя, однако, не подчеркнуть, что, когда или если созвучные требованиям нового века задачи действительно встанут перед японской внешней политикой, в своем нынешнем виде она окажется не более чем собранием любопытных, но бесплодных контрастов.

Едва ли не безграничные финансовые и экономические ресурсы. И почти полное отсутствие политической воли к их целенаправленному применению во внешней политике.

Непревзойденное умение собирать и систематизировать международную информацию. И нежелание делать оригинальные выводы на основе ее анализа.

Хорошо организованный и в высшей степени профессиональный аппарат внешней политики. И крайне слабое политическое руководство ею.

Незаурядный интеллектуальный потенциал нации. И его почти полная не востребуемость в сфере внешней политики.

Объективная потребность в переосмыслении, а в ряде случаев и в формулировании с нуля внешнеполитических интересов страны. И неприятие любых сопряженных с политическим риском новых идей (а новое — это всегда риск), какое-то мистическое преклонение перед рутинной и прецедентом.

Список контрастов (или, если угодно, парадоксов) японской внешней политики можно, кажется, продолжать до бесконечности. Главное же в том, что во внешней политике Японии все еще существует немыслимый по меркам нормальной страны разрыв между объективными возможностями и субъективным нежеланием их использовать. В перспективе такой разрыв грозит обернуться для Японии немалыми потерями.

По знакомым всем экс-советским японоведам законам жанра, где-то здесь следовало бы уже сделать «фундаментальный» вывод о неизбежном обострении японо-американских противоречий. Напротив, неписанные пра-

вила постсоветского японоведения как будто предполагают полное отрицание таких противоречий. Истина же, как обычно, посередине. По широкому кругу проблем общность или совместимость интересов Японии и США, безусловно, сохранится. Сохранится и традиционная готовность Японии при необходимости подстроиться под США.

Дело, однако, в том, что в новой системе международных отношений виртуозное умение соглашаться с США перестанет быть для японской внешней политики панацеей. Хотя бы потому, что в калейдоскопе разнонаправленных событий и тенденций вероятность столкновения или неполного совпадения интересов двух стран возрастет. А навыков самостоятельного оперативного и тем более превентивного реагирования на новые вызовы у внешней политики Японии нет и в помине.

Еще одна важная проблема, с которой, вероятно, предстоит столкнуться внешней политике Японии, лежит не в области ее отношений с США. Пассивная, вечно выбирающая путь наименьшего сопротивления внешняя политика Японии — это еще и форма ухода от ответственности за судьбы мира, которую могут и должны нести мощные и тем более великие державы. А ведь при всех своих нередко преувеличиваемых текущих трудностях Япония остается мощной державой высшего разряда. Кому многое дано, с того много и спрашивается.

Насколько много, вопрос особый. Но уж, во всяком случае, больше, чем сейчас, когда усилия Японии в основном направлены на то, чтобы банально откупиться от политической ответственности путем оказания финансового содействия жертвам конфликтов, а амбиции не простираются дальше ролей второго и даже третьего плана, выполнения сугубо вспомогательных функций, например в международных миротворческих операциях. В свете сказанного совершенно непонятно, на чем основаны претензии Японии на место постоянного члена Совета Безопасности ООН, которое как раз предполагает особую ответственность за судьбы мира. Тем более что никаких целенаправленных шагов для подкрепления своих претензий Япония не предпринимает, похуже, ожидая, что рано или поздно все устроится как бы само собой.

Бессмысленно пытаться моделировать гипотетические ситуации будущего, в которых Японии следовало бы проявить инициативу, взять на себя политическую ответственность или хотя бы занять внятную позицию. Нельзя, однако, не указать на некоторые уже обозначившиеся глобальные проблемы, в управление которыми Япония могла бы внести весомый самостоятельный вклад.

Борьба с терроризмом и вселенским хаосом есть абсолютный императив наступившего века. Однако с уверенностью предсказать ее исход пока нелегко. И отнюдь не только потому, что многие традиционные инструменты и навыки политики могут оказаться неэффективными. Гораздо тревожнее то, что уже сегодня в Азии есть влиятельные политические силы, которые пытаются представить эту борьбу в виде межрасового столкновения, в виде нового крестового похода белой расы против небелых.

Не состоит ли историческая миссия азиатской державы Японии в том, чтобы опровергнуть эти недостойные и опасные для будущего мира попыт-

ки? А если состоит, не означает ли это, что Япония должна идти в первых рядах борцов с новым мировым злом, например, без всяких оговорок участвовать в контртеррористических операциях, подобных той, что была проведена в Афганистане?

Другая не менее важная глобальная проблема — Китай. Выше уже говорилось о том, что сегодня это всего лишь очень большая региональная держава. Однако Китай слишком велик и развивается слишком быстро, чтобы рано или поздно не начать оказывать объективно определяющее влияние на мировую политику самим фактом своего присутствия на ее сцене. Каким окажется это влияние, сказать трудно, поскольку будущее Китая довольно туманно, а внутренние противоречия налицо.

Нелишне вспомнить и об острейшей проблеме Тайваня, которая при определенных обстоятельствах может стать своеобразным запалом конфликта Китая с США и их союзниками.

Наконец, у глобальной проблемы Китая есть и субъективная сторона: судя по всему, некоторые политические силы в США, России, а возможно, и в других странах все же хотели бы видеть его в роли главного соперника США.

Япония, с одной стороны, имеет с Китаем особые отношения, а с другой — не может не опасаться его антагонизации. С учетом этого обстоятельства Япония (возможно, вместе с Россией, чьи отношения с Китаем, в свою очередь, быстро становятся особыми) могла бы, наверное, взять на себя важную миссию, суть которой состояла бы в том, чтобы путем наращивания в известной степени автономного политического взаимодействия с Китаем исключить наихудшие сценарии его эволюции. Например, ведущие к изоляции и (или) конфронтации Китая с сообществом демократических государств.

Все это не более чем досужие предположения. Пока же приходится говорить о реальных ситуациях недавнего прошлого, в которых Япония не проявила ни инициативы, ни особой ответственности, ни даже здравого смысла, несмотря на то что развитие событий всякий раз прямо или косвенно затрагивало ее индивидуальные и групповые интересы.

В августе 1991 г., например, Япония оказалась единственной крупной демократической страной, не решившейся прямо осудить попытку государственного переворота в СССР и, больше того, фактически признавшей режим ГКЧП⁹. Дело, конечно, прошлое, да и сама попытка переворота закончилась провалом настолько быстро, что инертность и малодушие Японии просто не успели привлечь к себе внимание. Тем не менее, пытаясь разобраться сегодня в причинах такого поведения, можно сказать, что возникшая в тот момент в СССР угроза массовых репрессий и реставрации полицейского государства взволновала Японию очень мало. Во всяком случае, гораздо меньше, чем мысль о том, что, оказавшись в изоляции, режим ГКЧП будет вынужден пойти на уступки по проблеме «северных территорий».

Летом 1993 г. в связи с решением КНДР о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия и о прекращении своего членства в МАГАТЭ возник кризис, в ходе которого США, как известно, одно время склонялись к

нанесению превентивного удара по северокорейским ядерным объектам. Возникла ситуация, прямо угрожавшая интересам и самой безопасности Японии, не застрахованной от спонтанных выбросов агрессии со стороны государств-маргиналов. В ответ на операцию «Буря в пустыне» Ирак подверг ракетному обстрелу Израиль. Не исключено, что при возникновении вооруженного конфликта на Корейском полуострове примерно так же действовала бы КНДР в отношении Японии.

В принципе ничто не мешало Японии прямо сказать союзнику о контр-продуктивности и опасности тактики жесткого давления на непредсказуемый северокорейский режим. Была у Японии и возможность попытаться повлиять на КНДР, например, пообещав экстренно предоставить всегда необходимую ей финансовую и продовольственную помощь. Что, однако, предприняла Япония на самом деле? Ответ — ровным счетом ничего. В итоге эскалацию напряженности удалось остановить. Но заслуги Японии в этом нет.

В августе 1999 г. на проведенном под эгидой ООН референдуме подавляющее большинство жителей Восточного Тимора (по разным данным, от 78% до 99%) высказались за прекращение индонезийской оккупации и национальную независимость. Индонезийская военщина ответила на референдум террором и массовыми репрессиями против мирного населения. В Восточный Тимор были введены многонациональные миротворческие силы, ядро которых составили австралийские части.

Вопрос о направлении в зону конфликта боевых частей японских миротворцев, естественно, даже не рассматривался. Впрочем, почему естественно? Иными словами, почему небольшая Австралия была готова взять на себя всю полноту ответственности за предотвращение геноцида в Тихоокеанском регионе, а мощная Япония такой ответственности как бы застенчиво избегала? Ссылки на антивоенную статью IX японской Конституции, в которой, кстати, ни о чем подобном не говорится, или на принятый в 1992 г. и пересмотренный в 1998 г. Закон о сотрудничестве в поддержании международного мира в этом смысле не вполне убеждают.

Наше дело — сторона

И здесь следует непременно остановиться на особенностях общественного климата и политической культуры послевоенной Японии.

Японский общественный климат настолько мало благоприятствует активной, точнее, нормальной внешней политике и настолько полно соответствует нынешней пассивной, что поневоле возникает мысль о его искусственном происхождении. Иными словами, о том, что препятствующие активизации внешней политики настроения культивируются кем-то вполне сознательно. Отчасти, конечно, так и есть. Но все же в гораздо большей степени эти настроения органичны и естественны.

Во многом благодаря достигнутым успехам послевоенная Япония сложилась как государство со стабильной моделью внутренней и внешней политики, глубоко консервативное в своем мировоззрении. При этом японский

консерватизм отражает не столько приверженность какой-то системе взглядов или ценностных установок, сколько в буквальном смысле нежелание любых резких перемен. Жизненное кредо послевоенной Японии можно, наверное, выразить известной пословицей: от добра добра не ищут.

В рамках той роли и по тем критериям, которые некогда избрала для себя Япония, она по-прежнему победитель. Внешняя политика внесла в эту победу достойный вклад, стало быть и говорить не о чем. Отнюдь не случайно поэтому Япония уже давно переросла и крикливый антиамериканизм 60-х годов, и предпринимавшиеся в 70-е популистские попытки оппозиции предложить некую внешнеполитическую альтернативу. Сегодня для подавляющего большинства японцев ориентированная на тесный союз с США, тихая и анемичная внешняя политика их страны — нечто само собой разумеющееся. Лошади едят овес, Волга впадает в Каспийское море, а у Японии вот такая внешняя политика.

Фактом является и то, что для японцев в целом характерно отстраненно равнодушное отношение ко всему, что прямо и непосредственно не касается Японии. И дело здесь вовсе не в недостаточной информированности или какой-то особой нравственной черствости. Наученные самой жизнью сосредоточиваться на собственных делах и обязанностях, верящие, что только таким образом можно добиться успеха, японцы, похоже, искренне не понимают, почему и другие народы не делают то же самое.

Кроме того, многие острые проблемы международных отношений — межэтнические, религиозные и даже борьба с терроризмом — знакомы японцам больше понаслышке. Другие — демократия и права человека — воспринимаются не совсем так (а может быть, и совсем не так), как на Западе. Наконец, третьи — например, распространение оружия массового поражения — рассматриваются как относящиеся к компетенции великих военных держав.

Одним словом, в современном мире практически нет проблем, которые были бы как-то особенно близки и понятны японцам. Во всяком случае, настолько, чтобы ради их решения пожертвовать чем-то серьезным или рисковать жизнью.

Политическая культура Японии основана на консенсусе, понимаемом как согласие всех участников политического процесса по какой-то проблеме, так и, в крайнем случае, их согласие на то, чтобы «цивилизованно», т.е. без потери лица, не соглашаться друг с другом. В первом случае все довольно тривиально: интересы участников политического процесса должны быть учтены по возможности пропорционально их реальной силе. Второй же случай предполагает, что несогласные тоже получают некоторое вознаграждение просто за участие в политическом процессе, иными словами, за то, что не устраивают скандал. Интересы несогласных, таким образом, тоже учитываются, хотя, конечно, в значительно меньшей степени. В итоге любое мало-мальски серьезное политическое решение представляет собой сложный многослойный компромисс. В чем-то его можно уподобить картонному домику: строить долго и трудно, зато разрушить легко, порой одним неосторожным движением. В принципе примерно так же организован поли-

тический процесс и во многих других странах. Но, пожалуй, только в Японии его неписанные правила соблюдаются столь последовательно и скрупулезно.

Внешняя политика Японии является превосходной иллюстрацией того, как работают правила консенсуса. Политические силы Японии — правые, левые, центристы, националисты, пацифисты — в сущности едины в своем восприятии нынешней внешней политики как безальтернативной. Одни говорят об этом открыто, другие — молчаливо соглашаются и потому, что в глубине души действительно согласны, и потому, что не имеют возможности настаивать на ее пересмотре.

Важно также, что нынешняя внешняя политика не приносит никому особых внутривнутриполитических дивидендов и в этом смысле как бы нейтральна. Зато попытка ее изменения грозит обернуться внутривнутриполитическими потерями. Народ может не понять, а политическим противникам (они же партнеры) придется реагировать. Участники политического процесса по определению деликатны, воздерживаются от резких заявлений и, главное, свято соблюдают определенный кодекс поведения: некоторые утверждения не оспаривают, некоторые темы не затрагивают, некоторые термины не употребляют. Перечень «запретных» тем и терминов, а также принимаемых как данность постулатов известен каждому японскому политику.

Союз с США желательно не называть «союзом»¹⁰. Требовать пересмотра статьи IX Конституции, запрещающей создание «сухопутных, военно-морских, военно-воздушных сил и другого военного потенциала», нельзя категорически. Но и обращать внимание на лицемерие этой статьи (поскольку весь запрещенный ею военный потенциал, и притом немалый, Япония имеет) тоже нельзя. Участие японских вооруженных сил в миротворческих операциях невозможно, потому что Япония не хочет становиться «военной сверхдержавой». Преступления, совершенные Японией в годы Второй мировой войны, — это всего лишь «прошлое, достойное сожаления». Оптимальная форма извинения за эти преступления — фраза «извините, что беспокоили»¹². Японская внешняя политика основана на принципе «от сердца к сердцу» (?)³. И, наконец, «северные территории» должны быть в бесспорном порядке возвращены Японии.

Последний постулат особенно интересен и типичен. Интересен, поскольку представляет собой по существу единственную внятно сформулированную цель японской внешней политики, что указывает на некоторую декоративность этой политики. Типичен же, потому что позволяет увидеть ее главную слабость — неумение договариваться с равным партнером.

Тот факт, что на протяжении без малого пятидесяти лет политика одной могущественной страны в отношении другой может быть подчинена задаче возвращения четырех относительно бесполезных маленьких островов, утраченных в результате проигранной войны, пусть и при весьма неоднозначных обстоятельствах, — есть чистый анахронизм. Но не только. Это еще и свидетельство неспособности Японии расстаться со своим прошлым, в котором тоже хватало темных страниц.

Германия не требует у России Калининградскую область (Восточную Пруссию), а Финляндия — Карельский перешеек. Мексика не добивается

у США возвращения Техаса, а Россия у Украины — Крыма. Есть, конечно, и примеры иного рода. Аргентина не признает суверенитет Великобритании над Фолклендскими островами, Япония — суверенитет Республики Корея над островами Докто (Такэсима), а КНР — суверенитет Японии над островами Сэнкаку (Дяоюйдао). И все же проблема «северных территорий» (в российской интерпретации — проблема пограничного размежевания) остается совершенно уникальной, прежде всего потому, что на ней одной противоестественно сфокусировались все реальные и воображаемые обиды и унижения, которые пришлось пережить Японии в результате поражения во Второй мировой войне. Поневоле приходится удивляться, до какого иступления может довести себя нация, не забывшая прошлые обиды и не осознающая никаких других внешнеполитических проблем.

В последние годы урегулирование проблемы «северных территорий» отнюдь не выглядит невозможным, но лишь в том случае, если японская внешняя политика овладеет наконец искусством переговоров на равных. Суть этого искусства в умении признавать доводы оппонента, соизмерять свои интересы с его интересами и, конечно, отличать объективно возможное от желаемого. Иными словами, стремясь к победе, каждый из равных партнеров должен быть готов и к иному исходу переговоров.

Как уже отмечалось, до Второй мировой войны Япония вела переговоры в основном с позиции силы или с позиции слабости. После войны — чаще всего с позиции реальной или имитированной слабости. С позиции силы Япония диктовала свои условия, с позиции слабости — уповала на снисхождение (как, например, на переговорах о возвращении островов Рюкю). На первом этапе своих переговоров с СССР в 1955-1956 гг. Япония пыталась вести дело с позиции слабости, но снисхождения не добилась, во всяком случае в той мере, в какой рассчитывала. Сегодня Япония ощущает себя сильной, но и Россия отказывается признавать себя слабой. Что делать в такой ситуации, Япония, похоже, не знает. Она то пытается требовать, то переходит к уговорам. Но вот политической воли прислушаться к российским доводам, соизмерить свои интересы с интересами России пока не проявляет. Скорее всего, потому, что для этого пришлось бы пересмотреть незыблемый постулат о непременном возвращении всех «северных территорий». Что, в свою очередь, могло бы нарушить зыбкий как карточный домик консенсус по вопросам внешней политики.

Лучшее — враг хорошего,
или Торжественная порка

С учетом отмеченных особенностей японской политической культуры трудно прийти к выводу о том, что политические решения в сфере международных отношений, особенно крупные и судьбоносные, обречены в Японии на нелегкую судьбу: в лучшем случае приниматься с опозданием, в худшем — не приниматься вообще. Худшие случаи при этом, естественно, составляют абсолютное большинство.

В том числе и потому, что штатный механизм выработки внешнеполитических решений, монополизированный Министерством иностранных дел Японии, в свою очередь, запрограммирован на неприятие перемен.

Принято считать, что по своему общеполитическому влиянию МИД Японии значительно уступает, например, Министерству финансов или Министерству экономики, торговли и промышленности. В принципе так, конечно, и есть, поскольку внешней политике принадлежит в Японии все же роль второго плана. Зато в пределах своей компетенции МИД пользуется влиянием, близким к абсолютному. Причин несколько.

Во-первых, внешняя политика Японии остается по преимуществу политикой простых, рутинных или, по-другому, технических решений, для выработки которых важен не столько полет мысли, сколько профессиональное владение полным объемом информации. В этой области первенство МИДа бесспорно.

Во-вторых, МИД не имеет конкурентов в системе государственных ведомств. Привычное для многих стран положение, при котором военное ведомство и внешняя разведка оппонируют МИДу в процессе выработки внешнеполитических решений, для Японии совершенно не характерно.

В-третьих, как и другие японские бюрократические структуры (возможно, даже в большей степени, чем многие из них), МИД отделен от общества глухой стеной ведомственной кастовости.

В самом МИДе ответственность за выработку большинства решений лежит на заведующем страновым отделом, директоре регионального департамента и заместителе министра. В этом «Бермудском треугольнике» чаще всего и происходит главное таинство. Посторонним (от независимого эксперта и фактически до премьер-министра) очень трудно оспаривать выработанное таким образом внешнеполитическое решение. В крайнем случае премьер-министр может его отвергнуть. Но разрабатывать альтернативные варианты все равно поручит МИДу, и притом тем же самым людям. Чаще всего, конечно, премьер-министр или министр иностранных дел просто принимают предложенное МИДом решение.

Для того чтобы японская система выработки решений функционировала эффективно, т.е. без сбоев, ключевые лица внешнеполитического ведомства должны быть высококлассными и предельно осторожными профессионалами, знать все, что положено (прежде всего имеющиеся прецеденты и установленные процедуры согласования), и не задумываться о том, что не положено (например, об улучшении апробированной политики, ибо лучшее — враг хорошего).

Возникает естественный вопрос: откуда в описанных условиях во внешней политике могут вообще появиться новые идеи, кто и каким образом доведет их до стадии принятия решения? Ответ: новые идеи могут появиться только при прямом участии допущенных к рычагам управления внешней политикой людей, ощущающих необходимость перемен, не боящихся подвергнуть сомнению прописные истины и знающих, что нужно делать.

В идеале среди инициаторов новых идей должен быть хотя бы один из упомянутого трио ключевых сотрудников МИДа. В последней же инстанции

необходим премьер-министр, готовый рисковать своим будущим во имя интересов страны, т.е. человек с качествами государственного деятеля. Например, такой, как Н. Киси.

По большому счету Н. Киси — отнюдь не положительный герой. В годы Второй мировой войны не замеченный в особом миролюбии член кабинета Х. Тодзио, впоследствии военный преступник класса «А» — одним словом, типичный мимикрировавший реакционер. И все же не может не вызвать уважение мужество, которое он проявил в 1960 г., заплатив своей отставкой и, в сущности, политической карьерой за подписание и ратификацию Договора безопасности с США.

В наши дни охотников бороться за перемены, отстаивая непопулярные решения, почти не осталось ни в МИДе, ни в политическом руководстве Японии. Тем же немногим, кто готов к подобной ответственности, приходится действовать чуть ли не «партизанскими» методами, преодолевая накопленную за десятилетия инерцию, непонимание общества, вступая в конфликт, пожалуй, с самой консервативной системой в мире. Участь таких людей, как правило, незавидна.

Иллюстрацией ко всему сказанному стал беспрецедентный скандал, разгоревшийся в конце 2001 г. Формально в центре скандала оказалась все та же проблема «северных территорий», хотя на самом деле речь шла в целом об отношениях Японии с Россией.

Во второй половине 90-х годов политическое руководство Японии начало постепенно склоняться к мысли о том, что улучшение отношений с Россией, возможно, имеет ценность не только в контексте урегулирования проблемы «северных территорий», но и само по себе. Сменявшие друг друга кабинеты министров во главе с Р. Хасимото, К. Обути и Ё. Мори примерно с 1997 г. пытались, пусть даже не очень последовательно, воплотить эту революционную по японским меркам мысль в жизнь. В процессе работы политическому руководству Японии пришлось неизбежно задуматься о том, что же все-таки делать с пресловутой главной проблемой двусторонних отношений. О том, чтобы пересмотреть установку на непременное возвращение всех четырех спорных островов, никто, разумеется, не заикался. И все же, хотя бы в глубине души, японские лидеры, видимо, не могли не понимать, что и эта стратегическая установка, и основанная на ней лобовая тактика совершенно нереалистичны. Собственно говоря, это не новость. О необходимости нового подхода и возможности компромиссной развязки еще в середине 80-х годов открыто говорил, например, такой крупный японский политический деятель, как С. Канэмару. К концу 90-х годов искомый новый подход начал, казалось, вырисовываться. В 2000 г. наметилось и встречное движение со стороны России. Наконец, весной 2001 г. в Иркутске состоялась встреча президента В. Путина и премьер-министра Ё. Мори, ставшая наивысшим достижением обеих стран.

Как известно, очень скоро все рухнуло. К власти в Японии пришел кабинет Дз. Коидзуми, чуть ли не открыто провозгласивший своей главной целью поддержание высокой популярности премьер-министра. Так и не успев выйти на оперативный простор, политика Японии в отношении России вновь

оказалась в знакомом тупике ультимативных деклараций. Лишь немногие посвященные отказались признать это поражение здравого смысла. Видный деятель правящей партии М. Судзуки, руководящие работники МИДа К.Того и М.Сато, в одночасье став диссидентами, продолжали действовать в духе идей предшественников Коидзуми в надежде убедить в их правоте и нового премьер-министра. Как говорится, не на того напали. М. Судзуки, полностью дискредитированный и обвиненный в целом букете прегрешений, был арестован, К. Того был уволен из МИДа, М. Сато тоже оказался в тюрьме.

Каждому из них вменяется собственный набор «ужасных» преступлений, список которых растет. Возможно, все трое действительно виновны. Нельзя исключить, что их вина будет доказана. (Хотя, конечно, не может не настоятельно радовать тот факт, что обвинения против «банды трех» были выдвинуты почти одновременно, как будто по заказу.) И все же было бы большой ошибкой свести возникший скандал к злоупотреблениям отдельных людей, пусть даже и очень нехороших.

Ничуть не меньшая ошибка — пытаться объяснить его только межфракционным соперничеством внутри правящей партии (хотя М. Судзуки и Дз. Коидзуми принадлежат к соперничающим группировкам) или дешевым популизмом нового премьер-министра (хотя, что есть, то есть).

Суть скандала гораздо серьезней: косная и архаичная внешняя политика Японии в очередной раз отторгла рациональные перемены. В этом смысле Дз. Коидзуми при всей своей внешней эксцентричности гораздо более традиционен, чем М. Судзуки (а вместе с ним Р. Хасимото, К. Обути, Ё. Мори, Х. Нонака и др.). Отнюдь не случайно, провозгласив курс на реформы, новый премьер-министр в сфере внешней политики фактически наложил запрет на любые инновации. Укреплять союз с США и не умствовать — вот и вся внешняя политика в трактовке популярного «реформатора».

Торжественная порка вольнодумцев состоялась, бунт на корабле подавлен. Внешняя политика Японии возвращается «к истокам».

Вместо заключения

Предпринятая попытка разобраться во внешней политике Японии приводит к выводу о том, что время перемен в ней еще не наступило. И неизвестно, когда наступит. Прежде всего потому, что потребность в переменах как концептуального, так и организационного толка по-прежнему мало кем в Японии ощущается всерьез. Все ограничивается дежурными призывами к укреплению дисциплины в МИДе, а с недавних пор еще и к предотвращению вмешательства политиков в процесс принятия внешнеполитических решений. Кажется, что только этого и не хватает внешней политике Японии, в остальном же она близка к совершенству.

Типичны в этом смысле высказывания профессора Токийского университета С. Китаока. Причем типичны настолько, что их хочется привести максимально развернуто.

«Появление сомнений относительно того, что у послевоенной Японии вообще была внешняя политика, совсем не удивительно, — пишет Китаока¹. Однако, была ли она у других стран? В прежние времена была у СССР, опиравшегося на сопоставимую с американской военную мощь и прочную идеологическую основу. Впрочем, эта внешняя политика не принесла народу ничего хорошего. Сегодня внешняя политика есть у Китая, превосходящего Японию по численности населения в десять раз, обладающего ядерным оружием и развивающегося быстрыми темпами. Впрочем, пока рано говорить, принесет ли какие-либо положительные результаты Китаю его внешняя политика. В 50-е годы своя внешняя политика была у неприсоединившихся стран. Впрочем, непохоже, чтобы кто-то из них остался доволен ее результатами... Внешняя политика государства зависит от ряда фундаментальных факторов, таких, как его экономический и военный потенциал, состояние отношений с окружающими странами и т.д. ... В случае Японии ни один из этих факторов не является достаточным для проведения самостоятельной внешней политики, а потому ее отсутствие — неизбежно... Вопрос не в том, хороша или плоха внешняя политика Японии, самостоятельна она или нет, а в том, правилен ли выбор, сделанный Японией с учетом реальных условий, в которых она существует... Другое дело, пыталась ли Япония когда-либо переосмыслить основы своей внешней политики. Если пыталась и в результате интенсивной дискуссии пришла к выводу о том, что нынешняя внешняя политика ее устраивает, то и хорошо»¹⁴.

Остается добавить, что приведенные высказывания содержатся в статье, открывающей июньский номер за 2002 г. неофициального органа МИДа Японии журнала «Гайко фуораму», и потому должны, наверно, восприниматься как ответ этого ведомства всем «клеветникам Японии», в том числе и автору настоящей статьи. Комментарии, думается, излишни. Остается только порадоваться за Японию, у которой снова все хорошо.

Критическая оценка способности японской внешней политики к самосовершенствованию не должна препятствовать признанию того факта, что в своем нынешнем виде она может стать отчасти примером для подражания, а отчасти и предостережением от ошибок для многих стран, в том числе и для России. Научно-прикладное значение японского внешнеполитического опыта — это отдельная тема, точнее несколько тем. О некоторых из них хотелось бы все же коротко упомянуть и здесь.

В частности, России могли бы пригодиться:

— сполна продемонстрированное Японией умение сделать точный, т.е. адекватный обстоятельствам стратегический выбор (сама Россия этому пока только начинает учиться);

— искусство концентрации на главных национальных целях при мужественном отказе от пустых амбиций и любых мешающих делу эмоций (сама Россия пока еще не полностью избавилась от подсознательного стремления быть женихом на каждой свадьбе и покойником на каждых похоронах);

— методика воспроизводства высокопрофессионального внешнеполитического аппарата (у самой России в этой области есть богатые традиции, но многие секреты, похоже, утеряны);

— процедурная стройность процесса выработки внешнеполитических решений, в большинстве случаев исключая параллелизм и вмешательство нештатных действующих лиц (в самой России в выработке внешнеполитических решений порой участвуют все кому не лень);

— принципы формирования как открытого, так и латентного консенсуса основных политических сил по ключевым вопросам внешней политики (в самой России эти принципы со всей очевидностью отсутствуют, отчего внешняя политика остается зоной перманентных внутриполитических конфликтов, пусть даже и управляемых).

Перечень особенностей японской внешней политики, которые могли бы послужить неплохим предостережением для России, окажется, пожалуй, чуть короче.

Начинать же его надо с детального ответа на вопрос о том, каким образом едва ли не все отмеченные достоинства японской внешней политики нередко оборачиваются очевидными недостатками. Отчасти, но только отчасти, об этом говорилось выше. Как превратить достоинства в недостатки, Россия и сама, положим, может научить кого хочешь. И все же дополнительный опыт ей не помешает.

Пример Японии лишний раз свидетельствует о том, как ограничивает внешнюю политику страны неспособность до конца честно оценить, а если надо, то и осудить свое прошлое. В принципе сама Россия больна похожей болезнью. Но опять-таки, быть может, как раз пример Японии даст России дополнительную мотивацию для того, чтобы от этой болезни излечиться.

Как и в любой демократической стране, внешняя политика Японии во многом зависит от преобладающих в обществе настроений. Нельзя, однако, не обратить внимание на то, что внешняя политика Японии имеет тенденцию превращаться в своеобразного заложника общественного мнения. Возможно, политическая элита Японии не обладает достаточной волей и развитыми навыками работы с общественным мнением, предпочитая, скорее, использовать его в качестве предлога для сохранения внешней политики в ее нынешнем виде. В самой России механизм взаимодействия общественного мнения и внешней политики еще только формируется. Тем более важно учесть негативный опыт Японии в этой области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: **Woronoff J.** Politics. The Japanese Way. Tokyo, 1986, p. 341-375.

² В силу директивного использования этого тезиса в советском японоведении ссылки на какие-либо конкретные работы представляются излишними.

³ Кодовый сигнал начала японской атаки на Перл-Харбор 7 декабря 1941 г.

⁴ В борьбе дзюдо искусство мягкого, нетравматического падения после броска противника.

⁵ Именно так формулировал задачу руководитель «лиги Восточной Азии» («Тоа рэммэй») генерал К. Исивара, ставший советником первого послевоенного премьер-министра Японии принца Хигасикуни (см.: **Бикс Г.** Хирохито и создание современной Японии. М., 2002, с. 466).

⁶ подробнее об этом см.: **Sca/apino Я.** Perspectives of Modern Japanese Foreign Policy — *The Foreign Policy of Modern Japan*. Berkeley, 1977, p. 391-412.

⁷ Так например, публицист К. Масуда еще в 1985 г. подчеркивал, что с изменением стратегической обстановки в мире «потеря Японии», возможно, не будет поотиворечить глобальным интересам США. В этом случае США «с легкостью бросят Японию на произвол судьбы, как бросили в свое время Южный Вьетнам и шахский Иран». По мнению К. Масуда, такой сценарий закончился бы разделом Японии между СССР и США [**Масуда/С.** Нихон-га Америка-то вакарэру хи (День, когда Япония расстанется с Америкой). Токио, 1985, с. 37-38].

Еще более дико выглядит сценарий, предложенный К. Огава. Отправной пункт его рассуждений такой же, как у К. Масуда: судьба японцев безразлична США; в экстремальной ситуации США будут стремиться лишь к тому, чтобы японский промышленный потенциал не попал в нетронутым виде в руки врага (СССР или Китая). Чтобы не допустить этого, США будут готовы нанести ядерный удар по Японии. [**Огава К.** Дзайнити бэйгун (Американская армия в Японии). Токио, 1985, с. 9-13].

Вероятность подобных апокалипсических сценариев, естественно, ничтожна. Важно, однако, что они явно пользуются спросом.

⁸ Собственно говоря, сами американцы не делают из этого секрета. См., например: **Kissinger H.** Diplomacy. N.Y., 1994, p. 828.

⁹ Путч ГКЧП продолжался три дня, с 19 по 21 августа. 19 августа руководители японского правительства воздерживались от каких-либо определенных заявлений под предлогом отсутствия полной информации, 20 августа сигнализировали о готовности признать правительство Г. Янаева, если в международных делах оно не подвергнет ревизии линию М. Горбачева, 21 августа премьер-министр Т. Кайфу просто отказался отвечать на вопрос о признании Японией режима ГКЧП. (Подробнее об этом см.: **Hasegawa T.** The Northern Territories Dispute and Russo-Japanese Relations. Berkeley, 1998, p. 417-420.)

¹⁰ В начале 80-х годов не повезло премьер-министру Д. Судзуки, который сначала имел неосторожность назвать отношения с США «союзными», а затем под огнем критики оппозиции был вынужден фактически взять свои слова обратно.

¹¹ В частности, именно так квалифицировал колониальную политику Японии в Корее император Хирохито в своем обращении к гражданам Республики Корея в 1985 г.

¹² Эту фразу впервые употребил премьер-министр К. Танака в 1972 г. в беседе с Чжоу Эньлаем [Ниттю фукко (Восстановление японо-китайских отношений). Токио, 1972, с. 201].

¹³ Впервые этот принцип был выдвинут премьер-министром Т. Фукуда в 1977 г. в его выступлении (известном как «доктрина Фукуда») на саммите АСЕАН [Кокусай мондай. 2001, № 11, с. 27].

¹⁴ Гайко фуораму. 2002, № 167, с. 20-21.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

(в алфавитном порядке)

Александров Александр Александрович, кандидат исторических наук,
Московский государственный университет
Амиров Вячеслав Борисович, кандидат экономических наук, Институт
мировой экономики и международных отношений РАН
Зайцев Валерий Константинович, доктор экономических наук, Инсти-
тут мировой экономики и международных отношений РАН
Кунадзе Георгий Фридрихович, кандидат исторических наук, Институт
мировой экономики и международных отношений РАН
Леонтьева Елена Львовна, кандидат экономических наук, Институт ми-
ровой экономики и международных отношений РАН
Маркарян Сэда Багдасаровна, доктор экономических наук, Институт
востоковедения РАН
Молодяков Василий Элинархович, кандидат исторических наук, То-
кийский университет
Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, Институт
востоковедения РАН
Мухамедьяров Вячеслав Альбертович, кандидат юридических наук,
Иокогамский государственный университет
Рамзес Вадим Борисович, доктор экономических наук, Институт миро-
вой экономики и международных отношений РАН

CONTENTS

<i>V. Ramzes</i> Resume.....	4
<i>V. Ramzes</i> Maverick on the Background of the Chronicle of Current Events.....	42
<i>V. Zaitsev</i> Japan: the Transformation of the Traditional Orientation of Socio- Economic Development.....	99
<i>E. Leontieva</i> About Domestic Market's Protection in Japan.....	136
<i>E. Mo/od/akova</i> Japan on the Way to the Information Society.....	166
<i>V. Am/rov</i> Japan and the International Economic Cooperation in East Asia.....	177
<i>S. Markaryan</i> Immigration on the Rise.....	208
<i>A. A/exandrov</i> Information, Stability, Consensus: the Role of Mass Media in Japan's Contemporary Society.....	222
<i>V. Mukhamed/arov</i> Concerning the Contemporary Legal Consciousness of the Japanese	243
<i>G. Kunadze</i> Japan's Foreign Policy: a Time for Changes?.....	268
<i>V. Mo/od/akov</i> "Masochists" vs "Patriots" (Discussions of the "Nanking Massacre" and Japan's Postwar Society).....	290

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Рамзес</i> Resume.....	4
<i>В. Рамзес</i> Мэйврик на фоне хроники текущих событий.....	42
<i>В. Зайцев</i> Япония: трансформация ценностных ориентиров социально-экономического развития.....	99
<i>Е. Леонтьева</i> О защите внутреннего рынка в Японии.....	136
<i>Э. Молодякова</i> Япония на пути к информационному обществу.....	166
<i>В. Амиров</i> Япония и международное экономическое сотрудничество в Восточной Азии.....	177
<i>С. Маркарян</i> Иммиграция на подъеме.....	208
<i>А. Александров</i> Информация, стабильность, консенсус: роль СМИ в современном японском обществе.....	222
<i>В. Мухамедьяров</i> К вопросу о современном японском правосознании.....	243
<i>Г. Кунадзе</i> Внешняя политика Японии: время перемен?.....	268
<i>В. Молодяков</i> «Мазохисты» против «патриотов» (дискуссии о «нанкинской резне» и послевоенное японское общество).....	290

Научное издание

ЯПОНИЯ:

экономика, политика, общество
на заре XXI в.

Художник **Э.Л.Эрман**
Технический редактор **О.В.Волкова**
Корректор **Н.Н.Щигорева**
Компьютерная верстка **М.П.Горшенкова**